

Алексей Махров

...И немножко нервно

Часть сборника
Русская фантастика – 2016
(сборник)

Алексей Махров
...И немножко нервно

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Махров А. М.

...И немножко нервно / А. М. Махров — «Эксмо», 2016

«...Уитворт неторопливо, внимательно глядя под ноги, прошел к стоянке своего аэропила, вокруг которого уже сустились младшие техники. На всякий случай граф обошел аппарат по кругу, осматривая стойки и растяжки. Голова гудела словно пустой котел, ничего не хотелось делать. Замкнув круг, Майкл встал у носовой части и несколько минут пялился на тощую задницу техника, торчащую из-под открытого капота двигателя. Впрочем, на самом деле он смотрел «сквозь», не видя толком ни техника, ни даже самого аэропила. Сосредоточиться не удавалось. Тело заливала глухая черная усталость, словно он не спал всю ночь, а просидел за бриджем, употребляя дешевое местное пойло, руки не слушались, веки так и норовили слипнуться. С трудом оторвав взгляд от солдатской задницы, Майкл начал смотреть, как на подкрыльевые пилоны вешают пятисотфунтовые бомбы...»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Махров А. М., 2016
© Эксмо, 2016

Алексей Махров

...И немножко нервно

В грязноватом, но просторном, со следами былой роскоши номере отеля с громким названием «Звезда Раджастана» угрюмо лежал на скрипучей деревянной кровати худощавый молодой человек. Отель когда-то знал лучшие времена. Вероятно, в разгар колониальной экспансии. Но сейчас выглядел откровенно дряхлым, скатившись от обслуживания солидных господ из Метрополии, посещавших «жемчужину» короны империи по государственным или коммерческим делам, до приема «на час» местных проституток и их небогатых клиентов.

Молодой человек, двадцати пяти лет от роду, потомок древнего, но захудалого рода, не относился к категории обычных посетителей этой ночлежки. Просто он был довольно беден и не мог позволить себе более приличного жилья. Его бедность являлась следствием тайного порока – все свое довольно неплохое жалованье офицера колониальных войск юноша тратил на удовлетворение пагубной страсти к опиуму и азартным играм.

Разглядывая полустершийся рисунок на выцветших, когда-то игриво-розовых, местами облезших обоях, двенадцатый граф Уитворт, военный пилот Королевского воздушного флота, угрюмо пытался сообразить, где ему найти деньги на очередную дозу опиума. На тонком бледном лице офицера, с черными кругами под глазами, блестели капельки пота – в номере было невыносимо душно, хотя солнце уже давно скрылось за горизонтом. Вокруг тусклого газового рожка, едва разгоняющего темноту, кружились здоровенные москиты. Их мерзкое жужжание не давало Уитворту сосредоточиться. Впрочем, особенных идей у него и не было – жалованье взято авансом на два месяца вперед, а в долг ему уже никто ничего не давал.

Еще раз лениво окинув взглядом убогое убранство номера, вся обстановка которого состояла из кровати, поцарапанного трюмо и двух колченогих стульев, на одном из которых висел небрежно брошенный китель светло-песочного цвета, юноша неторопливо встал и принялся натягивать на босые ноги запыленные сапоги, намереваясь идти в офицерское собрание, чтобы хоть как-то скрасить вечер.

Москиты, уловив движение, немедленно сменили точку приложения своего внимания с газового рожка на голову Уитворта, устроив над ней настоящую карусель. Но граф только вяло отмахнулся, продолжая сборы, – надел китель, опоясался ремнем с револьверной кобурой и зашарил глазами по комнате в поисках фуражки. Искомая обнаружилась на полу возле трюмо.

Однако криво напялив головной убор на давно нестриженную голову, молодой человек снова рухнул на кровать, закинув ноги на низкую спинку. Брести куда-то, да и вообще двигаться не хотелось совершенно, поэтому Уитворт снова впал в меланхолию.

Мысли тянулись тоскливые, тягучие, горькие: об очередном проигрыше в бридж, о выволочке, устроенной командиром воздушной эскадры за неподобающий имперскому офицеру внешний вид и ненадлежащее выполнение служебных обязанностей, о закрытой кредитной линии в публичном доме мадам Зои.

Ход тяжелых мыслей прервал громкий стук в обшарпанную дверь.

– Какого дьявола? – тихим слабым голосом спросил Уитворт. Он никого не ждал и никого не хотел видеть.

Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился здоровенный красноносый офицер со знаками различия лейтенанта на узких пилотских погонах. В вырезе расстегнутого почти до пупа кителя виднелась несвежая нижняя рубашка и торчали курчавые рыжие волосы. Такие же волосы, только чуть покороче, виднелись из-под околыша лихо заломленной на правое ухо фуражки.

– Добрый вечер, дорогой Майкл! – громогласно сказал рыжий. – Продолжаешь нянчить свой сплин?

Уитворт ничего не ответил, даже не повернул головы в сторону неожиданного гостя.

Нимало не смутившись холодным приемом, лейтенант зашел в номер, почему-то аккуратно притворив за собой дверь, и бесцеремонно сел на стул, обиженно пискнувший под его весом. Москиты тут же сменили приоритет цели и начали кружить вокруг него.

– Или ты до сих пор переживаешь из-за устроенного полковником разноса? Так плюнь и разотри! – сказал рыжий, разгоняя назойливых насекомых энергичными взмахами руки. – Подумаешь, наорал, придравшись к нечищеным сапогам и пятнам на мундире! Все знают, что ты выгнал денщика за воровство, а нового еще не нашел.

На самом деле граф выгнал денщика не за воровство, в этом солдат был невиновен. Уитворту просто нечем было ему платить, вот он и нашел повод для расчета, дабы сохранить лицо перед сослуживцами. Но вслух Майкл обронил с небрежностью столичного денди:

– Настоящий джентльмен и в грязных сапогах выглядит представительней всякого быдла!

Лейтенант одобрительно хмыкнул и почесал пятерней волосатую грудь.

– Ты как тут оказался, Френсис? – граф наконец-то соизволил посмотреть на гостя.

– Пришел потешить свое мужское естество! – хохотнул рыжий. – Здесь же номера на час сдают. А после решил навестить тебя, живущего в этом гнезде порока!

– Так ведь здесь девочки... э-э-э... черненькие! – удивился Майкл. – Чего не пошел к мадам Зои?

– Да, в заведении у мадам девки – высший класс! – усмехнулся Френсис. – Мордашки, попки... Только вот они мне не для любования нужны, а для... другого! Здешние, пусть и не такие приятные по виду, берут с клиентов впятеро дешевле. Так зачем платить больше, если между ног у них одинаковые отверстия? Сам-то ты, Майкл, местных не пробовал?

«Скоро придется попробовать! – загрустил Уитворт. – Раз мадам Зои отказала мне в посещении своего борделя».

Френсис, по-своему истолковав его молчание, негромко сказал:

– А я вот не брезгливый! Не то что вы, аристократы...

Целую минуту в комнате слышалось только обиженное сопение рыжего и назойливое жужжание москитов. Наконец Френсис не выдержал, он вообще не умел долго фиксироваться на какой-нибудь одной мысли, и громко предложил:

– Майкл, а не пойти ли нам выпить?

Уитворт коротко глянул на него исподлобья.

– Понимаю, ты не при деньгах, вчера здорово проигрался, – примирительным тоном сказал лейтенант. – Так я угощаю! На сэкономленные! – он снова хохотнул.

Граф обдумывал его предложение довольно долго, но меланхолия и лень все же взяли верх – Майкл метнул в угол фуражку и устало повернулся лицом к стене. Френсис посидел еще пару минут, но, поняв, что предложение отвергнуто, встал, пожал плечами и вышел из номера, с трудом удержавшись от желания хорошенько хлопнуть дверью напоследок.

* * *

На древний город, стоящий на берегу грязной реки, считавшейся в этой стране священной, обрушилась ночь. Первыми затихли относительно чистые кварталы европейского сэттлмента, степенно уложив на мягкие подушки ухоженных сквериков свои прямые мощные улочки. Вслед за ними, ворча и ворочаясь в лабиринте узких кривых переулков, постепенно успокоились туземные районы. Огромная красная луна брезгливо смотрела на них со своей недостижимой высоты, отражаясь в буро-желтых волнах великой реки, которые несли к близкому океану раздувшиеся туши дохлых лошадей и полуобгорелые трупы аборигенов.

Перед самым рассветом диск луны на целую минуту заслонил корпус патрульного дирижабля, неторопливо плывущего в небе, словно по заполненному звездами черному морю. Он

заложил над городом широкий вираж, ложась на новый курс. Стоящие у картечных нижнего оборонительного яруса воздушного гиганта стрелки зевали во весь рот и, чтобы разогнать сонливость, потихоньку смолили дешевые вонючие папиросы, воровато оглядываясь – не видит ли такого вопиющего нарушения устава злющий, как цепной пес, уоррент-офицер. Блики лунного света играли на их стальных кирасах.

А внизу, на грязной скрипучей кровати в давно немойтой комнате ворочался бледный молодой человек, потомок древнего обедневшего рода. Ему с трудом удалось заснуть, мешали невыносимая духота и проклятые москиты. Но сон не принес облегчения – вместе с ним пришли кошмары.

В них Майкл Уитворт скакал по родным зеленым холмам Метрополии на отцовском строевом коне арабской породы по кличке Горец, а за холмами прятались раджастанские лачуги, из которых выползали на карачках грязные оборванные аборигены. Они тянули к всаднику покрытые струпьями руки, потом начали хватать за ноги коня, вцеплялись в уздечку, биджи, стремя. Майкл выхватил из ножен тяжелый кавалерийский палаш, доставшийся от деда, героя Восточной войны с Северной империей, и принялся рубить эти мерзкие черные руки, но они, окатив его вонючей тухлой кровью, отрастали вновь. Тогда граф стал проламывать кишаси крупными серыми вшами курчавые головы. Однако они, даже отрубленные, блестя гнойными глазками, завели вокруг наездника жуткий хоровод. Крупные густые капли чего-то отвратительно-бурого падали с них на шею коня и колени Майкла и жгли, как раскаленные угли. Горец нервно ржал, высоко подбрасывал задние ноги, но отрубленных голов становилось все больше, а жгучие бурые капли полетели сплошным дождем. А затем путь графу преградил огромный человек, закутанный в белый саван, испятнанный кровью и гноем. Он раскинул руки крестом, Горец от испуга встал на дыбы, Майкл свалился из седла на землю, выронив палаш. К нему немедленно потянулись сотни покрытых лишаями пальцев. Граф засучил ногами, пытаясь отползти подальше, но огромный человек вдруг резко выбросил вперед ногу, похожую на корягу, с огромной силой ударив Уитворта по плечу. От жуткой боли из глаз графа брызнули слезы, и он... проснулся.

* * *

Плечо болело и наяву. Рядом с кроватью стоял молодеватый капрал и примеривался еще раз двинуть офицера по плечу.

– Ты что творишь, урод?! – заорал Уитворт.

– Так это... господин капитан, сэр, вас господин полковник вызывает! – браво вытянувшись по стойке «смирно», доложил капрал.

– Только меня? – уточнил Уитворт, потирая саднящее плечо.

– Никак нет, господин капитан, сэр! Приказано собрать всех офицеров эскадры!

– Не мог нормально разбудить, каналья? – рявкнул Уитворт, вставая с кровати. Общий сбор – это серьезно. – Зачем толкал, мерзавец?

– Виноват, сэр! – капрал, и так стоящий, словно на плацу перед генералом, вытянулся, казалось, еще больше. – Я вас, сэр, деликатно окликал, потом, когда вы, сэр, не откликнулись, легонечко потормошил. Но вы, сэр, только пинались и не просыпались.

– Сапоги подай! – слегка снизил тон капитан, покачиваясь на ватных ногах. – И фуражку! Она в том углу... лежит.

Капрал помог офицеру принять вертикальное положение, надеть китель, натянуть сапоги, опоясаться ремнем и в довершение аккуратно водрузил на голову Уитворта фуражку. Майклу только и осталось, глянув в зеркало трюмо, слегка сдвинуть головной убор набок – как было принято у пилотов.

Выйдя на все еще темную улицу из криво висящих на поломанных петлях парадных дверей «Звезды Раджастана», военные под ручку, как чинная семейная пара пошли к штабу гарнизона. Идти было, в принципе, не так далеко – здание штаба расположилось в самом сердце туземного города – в Старой крепости. Но Уитворт, едва волочащий ноги и не падающий только потому, что опирался на капрала, потратил на этот путь почти четверть часа. Во дворе цитадели уже стояли под парами несколько локомотивов – комендант подготовил транспорт для пилотов. А их во дворе, невзирая на ранний утренний час, собралось довольно много. В ожидании опаздывающих офицеры курили папиросы и перебрасывались дежурными фразами о погоде. Оказалось, что ждут не только припозднившегося капитана Уитворта, но и где-то загулявшего лейтенанта Френсиса Коннолли.

Капрал подвел Майкла к группе сослуживцев и незаметно исчез, посчитав свой долг выполненным. Уитворт, обменявшись приветствиями со знакомыми, устало присел на подножку локомотива, привалившись спиной к теплему кожуху парового котла. Сослуживцы посмотрели на графа с сочувствием – видок у него был отвратительный, словно после недельного запоя. Что, впрочем, было недалеко от истины. В колониальных войсках злоупотребляли спиртным многие офицеры – очень выматывающими оказались тянувшиеся уже три года боевые действия. И не только спиртным – к опиуму пристрастился не один капитан Уитворт. «Хрупкая» психика имперских офицеров не выдерживала превратностей «неправильной войны» – поднявшие мятеж сипаи придерживались партизанской тактики, предпочитая нападения из засад нормальному общевойсковому сражению. А среди пилотов, которым не было нужды постоянно находиться в своей части, увлечение запрещенными видами допинга стало повальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.